

А.Б. Летучий

РУССКИЙ СИНТАКСИС

структурные
и неструктурные
объяснения

Учебное пособие

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва · 2024

УДК 81'367
ББК 81.2/81.8стд1-22
Л52

<https://elibrary.ru/vevviz>

Рекомендовано к изданию
Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Рецензенты:

Я.Г. Тестелец, д.филол.наук, директор Института лингвистики
Российского государственного гуманитарного университета;

Г.И. Кустова, д.филол.н., ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Летучий, А. Б. Русский синтаксис: структурные и неструктурные объяснения: учеб. пособие / А. Б. Летучий ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 416 с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2938-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4216-3 (e-book).

В учебном пособии описываются некоторые явления русского синтаксиса, рассматривается, как можно анализировать их в рамках современной лингвистики и какие общие закономерности выявляются. Не ставя целью полный обзор русского синтаксиса, автор демонстрирует его сложности на примерах разных уровней. В частности, показывается необходимость для определения многих синтаксических понятий нескольких факторов. Уделяется внимание редко изучаемым явлениям, таким как наречные составляющие и нулевое выражение объекта. Анализируются случаи, когда разница в приемлемости конструкций или в устройстве параллельных явлений обусловлена не структурой предложения, а дискурсивными и интонационными параметрами, например, длиной или интонацией. При описании синтаксических феноменов особое место занимает взаимодействие между синтаксисом и семантикой. На каждую область грамматики даются задания, которые позволяют студентам практиковаться в применении тестов и критериев описания синтаксических единиц.

Издание предназначено для студентов лингвистических и филологических специальностей, а также для дополнительного профессионального образования учителей.

УДК 81'367
ББК 81.2/81.8стд1-22

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2938-6

ISBN 978-5-7598-2938-6 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-4216-3 (e-book)

© Летучий А.Б., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	10
1.1. Некоторые соглашения	13
1.2. Мишень процесса и домен процесса	15
2. Холистические характеристики русского синтаксиса	19
2.1. Склонность к правому ветвлению	21
2.2. Свобода порядка слов.....	24
2.2.1. Введение	24
2.2.2. Некоторые другие закономерности, связанные с порядком слов	30
2.2.3. Порядок слов и грамматические изменения	33
2.3. Референциальная ориентация	35
2.4. Аккузативный строй.....	40
2.5. Плохая различимость неизменяемых частей речи	43
2.6. Релевантность наличия/отсутствия категории падежа для синтаксических операций	46
3. Члены предложения / синтаксические статусы	48
3.1. Введение	48
3.2. Трудности иерархизации.....	48
3.3. Критерии тестирования актанта.....	50
4. Подлежащее	54
4.1. Признаки подлежащего	55
4.1.1. Контроль целевого PRO	56
4.1.2. Контроль анафоров	58
4.2. «Мнимый контроль» инфинитива при деепричастиях.....	62
4.3. Семантические факторы при синтаксических тестах.....	63

4.4. Принцип «большей строгости» при подлежащем	64
4.5. Падежно-зависимые и падежно-независимые критерии	64
4.6. Нулевые составляющие как подлежащие	66
4.7. Сентенциальные актанты как подлежащие	68
4.8. Неаккузативность и проблема подлежащего	72
5. Прямое дополнение	79
5.1. «Заместители» прямого дополнения: вопрос о наречиях типа <i>дорого</i> или <i>одинаково</i>	82
5.2. Опущение дополнения	85
6. Возвратность и другие актантные преобразования: синтаксическое измерение	88
6.1. Возвратность	88
6.2. Приставки как показатели актантной деривации	93
6.3. Немаркированные актантные деривации	95
7. Части речи: проблемные случаи и синтаксические критерии	99
7.1. Первообразные предлоги, непервообразные предлоги, наречия	100
7.2. Союзы и другие средства подчинения: частицы и местоимения в подчиненных контекстах	101
7.3. Кванторы и другие «неполноценные именные группы»	106
7.4. Нестандартные вершины и тип составляющей	109
7.5. Составляющие с ограниченной способностью к распространению: морфология вмешивается в синтаксис	110
7.6. Некоторые проблемы морфосинтаксиса числительных	118
7.6.1. Морфологическое тождество в синтаксисе: конструкции типа <i>две большие комнаты</i>	119
7.6.2. Много или один? Нестандартное поведение числительных с компонентом <i>один</i>	120
7.7. Предикативы	123
7.7.1. Вводные замечания	123
7.7.2. Можно ли считать предикативы безличными?	127

7.8. Местоимения	129
7.8.1. Основные свойства местоимений	129
7.8.2. Сильные и слабые местоимения	130
7.8.3. Бывают ли другие местоимения сильными и слабыми?	138
8. Нули и эллипсис	141
8.1. Типы нулей	142
8.2. Эллипсис	143
8.3. Типы эллипсиса	147
8.4. Эллипсис и типы предлогов	150
8.5. Идентичность при эллипсисе	151
8.6. Нулевая связка	153
8.7. Нулевые связки и выраженные глаголы	157
8.7.1. Интерпретация времени в зависимой клаузе	157
8.7.2. Поведение с некоторыми частицами (например, <i>так и</i> и <i>только и</i>)	159
8.7.3. Поведение с отрицательным согласованием	161
8.7.4. Поведение в конструкциях с отрицанием и квантором	163
8.8. Нуль субъекта и нуль объекта: <i>pro</i> или эллипсис	165
8.9. Эллипсис элементов в главной клаузе	167
8.10. Сочинение и его связь с эллипсисом	169
8.10.1. Эллиптическая и неэллиптическая трактовки	169
8.10.2. Индивидуальные предпочтения показателей	172
9. Подъем аргумента и контроль PRO и <i>pro</i>	175
9.1. Инфинитивы, не относящиеся к противопоставлению подъема и контроля	177
9.2. Спорные случаи: есть ли контроль?	178
9.3. Общие черты подъема и контроля	179
9.4. Контроль PRO	180
9.4.1. Типы контроля	180
9.4.2. Семантическая мотивация типов контроля	181

9.4.3. Ограничения на употребление инфинитива	181
9.4.4. Более сложные типы контроля	183
9.4.5. Экспансия инфинитива при <i>to</i>	184
9.4.6. «Тройной контроль»?	185
9.5. Подъем	186
9.5.1. Критерии подъема.....	187
9.5.2. Примеры: анализ некоторых конструкций	193
9.5.3. Подъем вне инфинитивных конструкций.....	198
9.5.4. Вспомогательные глаголы и проблема подъема.....	199
9.6. Третья альтернатива: единицы <i>in situ</i> (исключительное падежное маркирование, ECM)	201
9.7. Четвертая альтернатива: подъем, но в позицию, где уже есть валентность рестриктора	202
9.8. Другие аргументы, не заданные аргументной структурой главного глагола	203
9.9. Контроль <i>pro</i>	204
9.9.1. <i>pro</i> в подчиненной клаузе	205
9.9.2. <i>pro</i> как тип эллипсиса	206
9.9.3. Другие различия между <i>pro</i> и PRO: дистантность контроля	208
9.9.4. Эллипсис разной локальности в одной клаузе.....	209
10. Полипредикативные конструкции.....	214
10.1. Вопрос о количестве клауз.....	215
10.1.1. Общие соображения	215
10.1.2. «Одно время на две клаузы»: нестандартное маркирование времени.....	218
10.1.3. Реструктурирование	220
10.1.4. Единицы, имеющие ограниченные свойства клаузы	223
10.1.5. Демонстративы в стандартных формах	224
10.1.6. Плавающие определители.....	226
10.1.7. Краткие прилагательные как актанты и демонстративы	227

10.1.8. Формы сравнительной степени прилагательного как актанты и депиктивы	228
10.1.9. Особый тип депиктивной конструкции: депиктивы с паузой.....	229
10.2. Критерии сочинения и подчинения.....	231
10.2.1. Островные ограничения	233
10.2.2. Перенос по другую сторону главной клаузы	234
10.2.3. Гнездование	234
10.2.4. Вопросительный вынос	235
10.2.5. Критерий морфосинтаксического локуса	236
10.2.6. Различия между употреблениями союзов.....	239
10.2.7. Неожиданные результаты	240
10.3. Определение типа подчиненной клаузы	242
10.3.1. Вопрос к зависимой клаузе.....	245
10.3.2. «Эффект крысолова»	247
10.3.3. Абсолютное/относительное время	251
10.3.4. Место гнездования	257
10.3.5. Дистантный эллипсис	258
10.3.6. Опущение объекта	259
10.3.7. Различия между сентенциальными определениями и сентенциальными сирконстантами	260
10.3.8. Неожиданные результаты	261
10.4. Конструкции с бессоюзными зависимыми: промежуточный синтаксический тип	262
10.4.1. Запрет на отрицание в главной клаузе	263
10.4.2. Запрет на опущение субъекта зависимой клаузы	263
10.5. Прямая речь	264
10.5.1. Проблемы, связанные с прямой речью.....	264
10.5.2. Типы прямой речи	266
10.6. Вводные слова и выражения: куда их относить?	268
10.7. Семантическое подчинение.....	271
10.8. Рекурсия при подчинении: всегда ли она работает?.....	273

10.9. Локальность, дистантность и полипредикативные конструкции	276
10.9.1. Локальные и дистантные прочтения	276
10.9.2. Дистантность, локальность и сфера действия	283
11. Структурные и лексические падежи	287
11.1. Борьба структурных и лексических падежей	288
11.2. Дистрибутивная конструкция	289
11.3. Генитив при отрицании и партитив	289
11.4. Квантификаторы и числительные	290
11.5. Конкуренция двух структурных падежей	291
11.6. Исключения	292
11.7. Детализация принципов	293
11.8. Лексический падеж не вытесняется даже тем же самым падежом	294
11.9. Есть ли в русском языке другие структурные падежи?	295
11.10. Подход Я.Г. Тестельца, ориентированный на статус ИГ	296
11.11. Эллипсис как источник составляющих, дефектных в отношении падежа	299
11.12. Разграничение между именными и предложными группами	300
11.13. Несклоняемые существительные: дефектны ли они в отношении падежа?	301
12. Согласование	304
12.1. Понятие согласования и его соотношение с понятием управления	304
12.2. Конфликт контролеров согласования	307
12.3. Семантическое согласование	309
12.3.1. Согласование по одушевленности	310
12.3.2. Согласование по числу	311
12.3.3. Согласование в конструкциях типа <i>Вася с Петей</i> и <i>Вася вместе с Петей</i>	313

---

13. Номинализации	315
13.1. Определение	315
13.2. Рефлективы в именной группе	315
13.3. «Глагольные» и «именные» номинализации	317
13.3.1. Три типа номинализаций по Гримшоу	318
13.3.2. Семантические ограничения	321
13.4. Модели номинализации	322
13.5. Сохранение и удаление сентенциального актанта	323
13.6. Другие процессы, близкие к номинализации	334
13.7. Немаркированные изменения части речи (конверсия)	336
14. Неструктурные характеристики и их роль для русского синтаксиса	343
14.1. Наличие у словоформы падежа	343
14.2. Длина составляющей	345
14.3. Эксплицитность	348
14.4. Паузы, интонация и пунктуация	350
14.5. Отделенность от вершины	353
14.6. Порядок зависимых и конъюнктов при сочинении	354
14.7. Нулевое vs ненулевое выражение	356
14.8. Выход из зависимости: нарушение требований вершины по отношению к конъюнктам при сочинении	359
14.8.1. Кореферентность при деепричастии	360
14.8.2. Управление <i>чтобы</i>	361
14.8.3. Требование к форме при модальных глаголах	362
15. Вместо заключения	365
Решения заданий	368
Литература	391
Словарь основных терминов	405
Указатель терминов	411

1 ВВЕДЕНИЕ

Это учебное пособие посвящено некоторым явлениям русского синтаксиса, которые обсуждались на моем курсе «Русский синтаксис» в Высшей школе экономики. Именно поэтому изложение не претендует на полноту — это в каком-то смысле «Главы русского синтаксиса». Речь идет об описании некоторых специфических разделов, хотя их набор шире, чем в исходном курсе. Например, типы эллипсиса или сложного предложения обсуждаются подробнее, чем структура именной группы.

Говоря о синтаксисе — и в применении к одному языку, например, русскому, и в типологической перспективе, — надо иметь в виду особенности, отличающие его от других уровней языка (в частности, от «соседнего» уровня морфологии). Я.Г. Тестелец в своем учебнике [Тестелец, 2001, с. 54] сравнивает синтаксис с шахматами¹ — игрой с высоким уровнем сложности, большим набором вариантов и при этом с четкими правилами, ограничивающими ходы. Морфологию, конечно, сравнить с шахматами нельзя: если попытаться придумать сравнение, то морфология будет похожа на задание, где нужно единственным способом пройти лабиринт (то есть, иначе говоря, исходные данные — слова и морфемы — по сравнению с синтаксисом заданы жестко, хотя возможны разные подходы к анализу).

В то же время, как мы увидим, аналогия с шахматами неполна. В шахматах правила и предусмотренные ими варианты ходов исчерпывают ход игры. Не существует никаких внешних

---

¹ «Самое знаменитое сравнение языка с шахматами принадлежит <...> Ф. де Соссюру», см.: [Там же, с. 54]; однако у Соссюра сравнение проводилось по другим параметрам.

факторов, которые могли бы на нее повлиять (если, конечно, не учитывать состояние шахматиста или внешние помехи, такие как шум в комнате). В синтаксисе же факторы, не относящиеся к структуре, по сути, не являющиеся чисто синтаксическими, могут влиять на степень приемлемости структуры и даже делать ее полностью неграмматичной.

Именно поэтому в синтаксисе часто существует большая вариативность — в первую очередь, в трех аспектах:

1) в области данных — часто возможны два и более альтернативных вариантов оформления конструкции и ее элементов, по-разному соотносящихся между собой;

2) в области оценок — носители расходятся при оценке синтаксических структур гораздо сильнее, чем при оценке морфологических единиц;

3) в области лингвистического анализа и описания — даже если считать и данные, и оценки носителей заданными, часто возможны несколько вариантов описания одной и той же конструкции.

При этом цель настоящего учебного пособия — уйти в описании языковых явлений от двух крайностей. С одной стороны, я стремился сделать описание и практические задания не привязанными полностью к какой-либо теории (или допускающими несколько теоретических осмыслений). Я считаю, что некоторые факты — например, противопоставление подчинения и сочинения, различие между синтаксическими позициями, роль и типы нулевых составляющих — играют роль и требуются для описания русской грамматики независимо от теоретических предпосылок. В этом смысле настоящее учебное пособие не является генеративным, функциональным или принадлежащим к какой-либо другой одной синтаксической традиции.

Конечно, без модели как инструмента для осмысления обойтись невозможно — в противном случае книга превратилась бы в набор фактов русского языка. Однако нужно понимать, что никакая модель не обеспечивает полного понимания рассматриваемого явления, а тем более широкой области грамматики. Факты

всегда шире модели и идут впереди нее: любая модель обеспечивает понимание лишь части явлений, отвечает на часть вопросов. Когда ставятся новые вопросы, модель может стать негодной — но не обязательно: чаще оказывается, что исследование требует не одного, а нескольких исследовательских инструментов. Это верно и для формальных моделей, и для функционального подхода, и даже для типологически ориентированных описаний языка: любые типологические классификации предполагают огрубление, и внутри одного типа систем (например, эргативных падежных систем; систем с вершинным маркированием грамматических отношений; языков с различением полных и кратких местоимений) всегда есть тонкие различия, которые данная классификация покрыть не может — если, конечно, мы не готовы принять классификацию, где каждый класс состоит из одного уникального элемента.

С другой стороны, полностью от теоретического багажа я не отказываюсь и считаю, что теория должна объяснять не только главные, но и периферийные случаи. Теоретический минимализм с опорой на простые определения с одним или двумя критериями характерен для многих работ в русле традиционной русистики. К сожалению, он приводит к тому, что сложные случаи часто игнорируются или обсуждаются недостаточно подробно — например, прямые дополнения, маркированные винительным падежом, рассматриваются, так как имеют явный признак синтаксической позиции, а конструкции типа *Он много знает* или *Мы понимаем, что ты старался* игнорируются. На мой взгляд, в ряде случаев выход за рамки основных и явно маркированных примеров не только желателен, но и необходим.

Не отвергая полезности грамматики конструкций для описания некоторых явлений, в основном я придерживаюсь стандартного для современной синтаксической теории представления о том, что вершиной предложения является глагол. Подлежащее я считаю, опять же в соответствии с принятыми большинством лингвистических школ представлениями, одним из актантов глагола — однако

находящимся выше в синтаксической структуре и по многим критериям привилегированным по сравнению с другими актантами.

В отличие от строго формально-синтаксического подхода, данный подход допускает релевантность для синтаксиса формальных и дискурсивных факторов: одушевленности участников, их контроля над ситуацией, выделенности участников или самой ситуации и др. Это не исключает возможности интеграции тех же факторов в синтаксическую структуру, например, с помощью введения новых функциональных проекций для топикализованных и/или контрастных составляющих. Тем не менее я не ставлю цель интегрировать все не собственно синтаксические факторы и свойства единиц в синтаксическую структуру.

Еще одна составляющая настоящего подхода — эмпирическая: я стремился проверять все утверждения на материале Национального корпуса русского языка и поиска в Интернете или (реже) на материале опроса носителей. Тем не менее отдельные базовые примеры строились искусственно. В подходе к данным и их описанию пособие, возможно, ближе всего к грамматике [Timberlake, 2004], однако оно в большей мере посвящено синтаксису и более подробно рассматривает некоторые периферийные явления и разные возможности их объяснения. В то же время были использованы достижения традиционной русистики (например: [Белошапкина, 1977]) в части классификации явлений, хотя в данных работах нередко не предлагается достаточная проверка их свойств. Из существующих синтаксических моделей используется в основном грамматика непосредственных составляющих, предложенная в работах Ноама Хомского [Chomsky, 1965] и других теоретиков генеративной грамматики.

1.1. Некоторые соглашения

Напомним о некоторых основах грамматики составляющих — эти основные утверждения служат прежде всего для объяснения существующих синтаксических процессов и их ограничений. Это

лишь краткий обзор — здесь я не ставлю цель предложить полное описание грамматики составляющих.

1. Предложение является составляющей (группой) и состоит из составляющих. Например, среди составляющих — именная группа (ИГ, NP), глагольная группа, адъективная группа, адвербиальная группа и др. Основанием для выделения групп прежде всего являются: а) то, какие последовательности слов ведут себя по синтаксическим критериям более слитно (является составляющей), а какие — менее слитно; б) то, какую вершину имеет данная составляющая.

Именная группа: *машина соседа, интересная книга* (вершина — существительное).

Глагольная группа: *убери молоко в холодильник, я научился играть в нарды* (вершина — глагол).

Группа прилагательного (адъективная группа): *павлин, [гордый своим оперением]* (вершина — прилагательное, существительное *павлин* в адъективную группу не входит), *привычный ко всему, [очень интересная] книга*.

Наречная группа (адвербиальная группа): *Это произошло [совершенно неожиданно для всех], мы бежали [очень быстро]*.

2. Каждая составляющая «собирается» поэтапно. Например, предложение *В большой комнате несколько человек читали газеты* начинается с лексических узлов, затем собираются группы *читали газету* (VP, глагольная группа), *несколько человек* (QP, кванторная группа), *большая комната* (NP, именная группа); на следующем уровне — *в большой комнате* (PP, предложная группа) и *несколько человек читали газету* (полная глагольная группа или TP, темпоральная группа); наконец на последнем этапе — все предложение целиком.

3. Дерево составляющих не дает всей информации о тесноте связей. Она может быть обусловлена характеристиками, не относящимся к положению элемента в дереве, например: 1) набором категорий; 2) тем, к какой речи относится зависимое и/или вершина.

4. Стандартно свойства составляющей обусловлены двумя группами характеристик: ее положением в дереве относительно других составляющих и ее составом. Например, именные и сентенциальные прямые объекты глагола могут вести себя по-разному, несмотря на то что занимают одну и ту же синтаксическую позицию.

5. Для многих синтаксических процессов существенна конкуренция между составляющими одного порядка (например, между именными группами при одном и том же глаголе). При этом для части процессов релевантно существование при глаголе самой позиции (например, позиции прямого объекта), а для других — выраженность зависимого. В последнем случае конструкции с невыраженными составляющими ведут себя иначе, чем с выраженными.

1.2. Мишень процесса и домен процесса

Чтобы описать синтаксические операции, нужно определиться с тем, к каким единицам — какого типа и какого синтаксического объема — они применяются. Хотя в стандартном употреблении этот вопрос не вызывает проблем (мы говорим *пассивизация глагола*, *опущение дополнения* и т.д.), на самом деле он сложнее, чем кажется.

Например, сравнительные конструкции с прилагательными и наречиями в сравнительной степени могут соединять и NP, и VP, и единицы уровня клаузы:

- (1) *Серезжа ест яблоки чаще, чем Петя* Ø [ест] *груши*.
- (2) *Серезжа выше, чем Петя*.
- (3) *Серезжа любит яблоки больше, чем Петя*.

В первом случае все вроде бы однозначно: поскольку сопоставляются и субъекты, и объекты (при этом вместе они не образуют составляющей, например, нет составляющих **Серезжа яблоки* и **Петя груши*), нужно считать, что сравнительная конструкция соединяет две клаузы в целом, две ситуации как таковые. Напро-

тив, второй случай легко проанализировать как сопоставление актантов, NP (сопоставляются свойства двух участников). А вот с третьим случаем возникают проблемы. Модель, предложенная М. Хаспельматом и О. Бухольц (см.: [Haspelmath, Buchholz, 1998]), казалось бы, предполагает, что объект сравнения — *Серезжа*, а стандарт сравнения — *Петя*. В то же время формально-синтаксический подход должен рассматривать такие конструкции как устанавливающие отношения между клаузами с эллипсисом глагольной группы. Сопоставляется степень проявления признака в двух ситуациях.

- (4) степень (*Серезжа любит яблоки*) больше, чем степень (*Петя [любит яблоки]*).

В этом случае нужно различать две вещи: сравнительная операция затрагивает клаузы в целом, но внутри сравнительных клауз выделяются параллельные элементы, занимающие обычно одну и ту же синтаксическую позицию. Семантическое противопоставление касается именно этих элементов (в данном случае — *Серезжи* и *Петя*). Можно сказать, что клаузы целиком — это домен процесса (сравнение в конструкции с *чем* применяется именно к клаузам). При этом мишень процесса — элементы, статус которых меняется, между которыми устанавливается сравнительное отношение, — это *Серезжа* и *Петя*.

Примерно так же обстоит дело при вопросительном выносе. В первом примере ниже вопросительный вынос производится из главной клаузы, во втором — из зависимой, тем самым домен процесса — это главная или зависимая клауза. Однако мишень — это фокус вопроса, тот элемент, идентичность которого вопрос затрагивает ('О каком именно участнике идет речь?').

- (5) *Кто хочет ответить на вопрос?*
(6) *Кого ты хочешь позвать на концерт?*

При этом, как показано в разделе 10.3.2, есть нестандартные случаи, когда некоторый процесс затрагивает элементы, на которые по своей функции не должен быть нацелен, — они втягиваются в процесс как части того же домена.

Различие в восприятии мишени и домена отчасти стало причиной различия в подходах к синтаксическим отношениям. В традиционной русистике статус подлежащего, прямого или непрямого дополнения усматривается именно у вершинного существительного — его зависимые считаются определениями или обстоятельствами и не имеют подлежащего статуса (это группа подлежащего — его синтаксическое окружение). Некоторые процессы действительно нацелены на вершину именной группы как на мишень: так, падежное маркирование — например, именительный падеж *кошка* и винительный *мясо* в предложении *Кошка съела мясо* — первоначально присваивается вершине, а затем путем согласования распространяется на зависимые. Однако доменом управления скорее является вся группа: именно она целиком занимает определенную позицию при предикате — и, например, группа дополнения целиком при образовании пассивной конструкции перемещается в позицию подлежащего. Ограничения, связанные с длиной подлежащего, дополнения или другого зависимого, тоже касаются всей группы. Поэтому в современной лингвистике доминирует подход, при котором подлежащим или дополнением является целая группа. Это, однако, не противоречит тому, что мишенью, которая отражает воздействие внешнего контекста, является вершина именной группы. С ней могут быть связаны зависимые, и эта связь маркируется путем согласования или управления. Тем самым, **синтаксическая позиция в данном предложении относительно внешнего контекста** — это скорее признак группы, однако **возможный набор синтаксических позиций** является признаком той составляющей, которая является вершиной группы. Для других зависимых она возможна благодаря рекурсии: прилагательное может быть частью группы подлежащего просто в силу того, что способно (по своим частеречным характеристикам) выступать модификатором в именной группе — и, если ИГ является подлежащим, то в группу подлежащего попадает и модификатор.

Задание 1

Как вы думаете, о чем свидетельствует следующая пара разговорных примеров:

Я купил, что хотел.

Я купил, что вчера хотел.

Стоит ли считать, что мы имеем дело с цельной конструкцией *что хотел*? Или речь все-таки о том, что местоимение *что* выносится из зависимой клаузы *что ты хотел [купить]*?

Начнем с самых общих, так называемых типологических холистических характеристик системы русского синтаксиса. К ним относятся характеристики языковой системы, релевантные не для определенной области явлений (падежного маркирования, залога и др.), а для синтаксиса в целом или, во всяком случае, значение которых выходит за рамки ограниченного круга конструкций. Иначе говоря, холистические характеристики никогда не описываются формулировками типа «Составляющая С1 имеет в языке L свойство Р» или «В структуре С1 наблюдается явление Я» — они задаются формулировками типа «Для синтаксиса языка L характерно явление Я» или «Синтаксические единицы языка L демонстрируют свойство Р».

Лингвисты описывают холистические характеристики, чтобы отметить связь между различными конкретными свойствами. Интерпретировать эти связи можно по-разному. Если мы придерживаемся формального (например, генеративного) подхода, можно считать, что холистические характеристики регулируются параметром, который, в свою очередь, связан с различным устройством конструкции в языках. Если же мы ищем функциональное объяснение (например, в духе теории функционального синтаксиса Т. Гивона [Givón, 1980]), можно предполагать, что говорящим и слушающим удобно, когда два уровня согласованы: это позволяет запоминать и использовать на разных уровнях и в разных единицах один тип устройства, а не несколько.

При этом исключения из холистических характеристик так же важны, как правила. Обычно они говорят об особых свойствах областей языка и явлений, которые ведут себя не так, как другие.

Среди ключевых холистических характеристик русского языка можно перечислить следующие:

1. **Склонность к правому ветвлению** (в разных типах составляющих главный член — вершина — склонен предшествовать зависимому):

(7) *Вася увидел Серезу, стоявшего на мосту у старого памятника адмиралу.*

В этом примере почти все главные слова предшествуют зависимым:

глагол *увидел* стоит раньше, чем дополнение *Серезу*;

определяемое слово *Серезу* — раньше, чем причастный оборот *стоявшего на мосту*;

причастие *стоявшего* — раньше, чем его зависимое *на мосту*;

предлоги *на* и *у* — раньше, чем их зависимые *мосту* и *памятника*;

существительное *памятника* — раньше, чем зависимое существительное в дательном падеже *адмиралу*.

Нарушают эту тенденцию два случая:

глагол *увидел* стоит позже, чем его первый актант (подлежащее) *Вася*;

существительное *памятника* — позже, чем определение к нему *старого*.

Ниже я прокомментирую эти отклонения.

2. **Свобода порядка слов** (как будет показано ниже, в разделе 2.2, она не является полной).

3. **Референциальная ориентация (reference-oriented / reference-dominated system)** в терминах Р.Д. ван Валина [van Valin, 1993a; 1993b], В. Фоли и Р.Д. ван Валина [Foley, van Valin, 1980; 1984] и М. Хаспельмата [Haspelmath, 2001] (для возможности и реализации разных типов синтаксических процессов, как правило, не важны напрямую семантические роли и другие семантические характеристики, хотя может быть важна прагматика).

4. **Аккузативный строй** (хотя синтаксический строй в первую очередь проявляется в стратегиях падежного маркирования,

можно считать этот признак холистическим, поскольку он важен еще и для глагольного согласования, а также для синтаксического поведения разных актантных именных групп).

5. **Сравнительно плохая различимость частей речи, не способных к словоизменению** (то есть в случаях, когда синтаксическая классификация не поддерживается морфологической): наречий, кратких прилагательных, предикативов, частиц.

6. **Релевантность категории падежа для синтаксических операций.**

Все перечисленные признаки нуждаются в пояснениях и оговорках, поэтому рассмотрим каждый из них отдельно.

2.1. Склонность к правому ветвлению

Со времен работы Дж. Гринберга [Greenberg, 1963], а далее — М. Драйера [Dryer, 1998] и многих других стало ясно, что расположение компонентов в разных составляющих (например, S, V и O на уровне клаузы, N и A, существительного и прилагательного, в именной группе, Num и N, числительного и существительного, в количественной группе) — не случайный набор признаков. Язык демонстрирует определенные предпочтения в том, что ставить раньше (= **левее**), а что позже (= **правее**) — вершину или зависимое.

Языки, которые стандартно ставят вершину **левее**, а зависимое **правее**, называются языками **правого ветвления** (развертывание составляющей от вершины к зависимым — ветвление — в них происходит вправо). По той же логике языки, которые ставят вершину **правее**, а зависимое **левее**, называются языками **левого ветвления**. Яркие представители последнего типа — алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские) языки.

О том, что русский является языком правого ветвления, свидетельствует порядок слов в разных типах составляющих.

Глагол предшествует прямому дополнению:

(8) (он) *развинтил стул*

Предлог в русском языке — это **предлог**, а не **послелог**, то есть он предшествует управляемой именной группе:

(9) *на полу́*

Управляющее существительным / именной группой числительное предшествует зависимому:

(10) *два модема*

В то же время линейное расположение единиц русского предложения в двух случаях нарушает правое ветвление:

1) подлежащее предшествует глаголу (*Я прыгаю*);

2) прилагательное предшествует существительному (*огромный угорь*).

Почему возникают эти нарушения? Данные два случая объясняются по-разному (см., в частности: [Dryer, 1998; 2013]). Препозиция подлежащего (статистически значимо превосходящая постпозицию и типологически тоже) связана с его **тематичностью**. Как правило, в немаркированном случае подлежащее — это **тема**, **топик** (то, что уже введено в коммуникацию и на чем основывается предложение: *Вася увидел Петю* — *Вася* уже введен), хотя Н.А. Слюсарь в своей диссертации [Slioussar, 2007] показывает, что в русском языке при необходимости любая часть предложения может оказаться топиком¹. Дискурсивно удобно расположить ближе к началу предложения то, что уже известно и введено в коммуникацию (**тему, данное**), а в конце дать ключевое утверждение — то, что утверждается (**рему, новое**).

О прилагательном скорее стоит сказать, что его позиция нерелевантна для типологии порядка слов, так как прилагательное **обычно не ветвится**. Мы довольно редко говорим *черный снизу доверху стул* — чаще мы описываем характеристику кратко — *черный стул*. В этом смысле можно утверждать, что прилагательное не участвует в рекурсивном процессе ветвления; **рекурсия** — это

---

¹ О связи порядка слов и информационной структуры см. также [Rodionova, 2001] и (для других языков) [Gattei et al., 2021].

механизм, при котором один и тот же процесс повторяется снова и снова, применяясь к результату предыдущего: например, сначала клауза ветвится на подлежащее (в позиции спецификатора) и глагольную группу, потом глагольная группа — на глагольную вершину и комплемент и т.д.

NB. Кстати, если мы все-таки решили разветвить прилагательное и добавить зависимые в группу AdjP, то происходит следующее:

– часто прилагательное или причастие в атрибутивной позиции выносятся вправо: *Человек, ответственный за крах компании / Человек, гордый своими успехами.*

– часто используется другая конструкция, где прилагательное — в предикатной позиции, обычно тоже справа: *Этот стул (был) черный снизу доверху.*

То есть, если прилагательное ветвится, оно начинает участвовать в общем процессе ветвления и ведет себя стандартно, стремясь занять позицию справа от вершины — имени.

Задание 2

Как вы думаете, одинаковую ли способность к выделению демонстрирует прилагательное в оборотах типа *грустный человек* и адъективная группа в случаях типа *человек, грустный из-за того, что случилось?*

Задание 3

Одинаковы ли требования к категории вершины при препозитивном прилагательном и постпозитивной группе прилагательного?

Задание 4

Какие зависимые не обязательно приводят к помещению группы прилагательного справа? Приведите пример.

2.2. Свобода порядка слов

2.2.1. Введение

Хотя русский язык склонен к правому ветвлению, порядок слов в нем в большей мере свободен, чем в английском и многих языках средневропейского стандарта. Конечно, само понятие свободного порядка слов крайне расплывчато и иллюзорно. Свобода может подразумевать по крайней мере четыре разные ситуации:

1) возможность любого порядка слов в любой составляющей в любом контексте без изменения значения и коммуникативных свойств (видимо, в языках мира этот тип в чистом виде не представлен);

2) возможность любого порядка слов в любой составляющей с изменением значения и/или коммуникативных свойств;

3) возможность любого порядка слов в большинстве составляющих с изменением значения и/или коммуникативных свойств;

4) возможность разного порядка слов в составляющих данного типа, но одного основного порядка слов для каждой составляющей с конкретным лексическим наполнением.

Например, тип 4 иллюстрирует французская ИГ, хотя было бы странно называть французский языком со свободным порядком слов. В нем есть препозитивные и постпозитивные прилагательные, однако почти никогда в конкретной именной группе изменение порядка слов невозможно (поскольку прилагательные довольно жестко относятся либо к препозитивным, либо к постпозитивным). Лишь для некоторых прилагательных, например, *brave* ‘хороший, добрый / смелый’ в (12’), возможны оба порядка с разными значениями:

(11) *une maison bleue* / *une bleue maison ‘синий дом’ (постпозитивное)

(12) *un vrai voyou* / *un voyou vrai ‘настоящий головорез’ (препозитивное)

(12’) *une brave personne* ‘хороший, добрый человек’ / *une personne brave* ‘смелый человек’

При этом нужно сказать, что при описании типов 2 и 3 стандартного структурного подхода бывает недостаточно. Один лишь тип составляющей, ее состав и расположение относительно других составляющих не позволяет объяснить порядок слов в конкретном предложении. В таких случаях к структурным соображениям нужно добавить другие, связанные с коммуникативной структурой.

Именно к типу 3 относится русский язык. Во-первых, изменение порядка слов в нем обычно приводит к коммуникативным изменениям (см.: [Slioussar, 2007]): ср. нейтральное *Меня тошнит* и маркированное *Тошнит меня*, где говорящий хочет обратить внимание либо на тот факт, что его действительно тошнит, либо на тот факт, что тошнит именно его. Еще больше набор вариантов в клаузе с S, V, O (субъектом, переходным глаголом и объектом) — все шесть теоретически возможных порядков слов допустимы, но несут разную коммуникативную нагрузку:

- (13) *Кошка увидела собаку* — порядок слов без дополнительного выделения или тема — *кошка*.
- (14) *Кошка собаку увидела* — тема — *кошка*, выделение того, что произошло с кошкой или, в разговорном языке, порядок слов без дополнительного выделения.
- (15) *Собаку увидела кошка* — тема — *собаку*, выделение того, что произошло с собакой.

Аналогичным образом прилагательное стандартно предшествует существительному (*большой дом*). Однако в других случаях возможен обратный порядок. При этом мы не рассматриваем примеры типа *Кошка, тощая и ободранная, ходила около подъезда*, где есть сомнения в том, что прилагательные принадлежат к тому же типу, что вершинное имя *кошка*.

- (16) *Он встал, обхватил одной рукой бабушку за шею, привлек к себе и поцеловал, а **руки бабушкины** висели как плети* (ruscorpora: Ю. Петкевич. Живые цветы зимой. 2001²).

---

² Большинство приведенных примеров взято из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru): из основного, газетного и устного подкорпусов. Примеры, взятые автором из форумов, блогов и других источ-

(17) *Но малыши сдирал с себя бабушкины руки и полотенце и шел к замкам* (ruscorpora: М. Трауб. Не вся la vie. 2008).

Во-первых, если дефолтный порядок слов *бабушкины руки* не ограничивает коммуникативную структуру, то порядок *руки бабушкины* скорее используется для топикализации вершины *руки*.

Во-вторых, есть составляющие, где изменение порядка слов невозможно, к ним относится большинство предложных групп (ср. *при обсуждении* и **обсуждении при*, *от города* и **города от*) большинство деепричастных оборотов (ср. *увидев человека* и *??человека увидев*)³.

В-третьих, есть случаи, когда изменение порядка слов приводит либо к семантическим изменениям, либо к синтаксическим: то есть можно считать, что оно создает новую конструкцию.

Изменение семантики — аппроксимативная инверсия: *два часа* — не то же, что *часа два* (аппроксимация, указание на прилизительный характер).

Изменение синтаксиса [Гращенко, 2009]:

(18) *Там было два оленя / *олений.*

(19) *Оленя / олений там было два.*

То есть при выносе в начало исчисляемого существительного снимается ограничение на единственное число при малых числительных.

Иначе говоря, в большинстве случаев в русском языке можно переставить местами составные части составляющей, однако это очень часто приводит к изменениям, и не только коммуникативным.

Языки со свободным (в той или иной мере) порядком слов создают проблему для порождающей грамматики. Поскольку она

ников, найденных поиском в системе Google, снабжены ссылками на соответствующий сайт.

³ Звездочкой перед примером обозначены невозможные для русского языка примеры, двумя вопросительными знаками — крайне плохие, но маргинально возможные, одним вопросительным знаком — сомнительные, решеткой (#) — грамматически возможные, но семантически аномальные или не соответствующие по смыслу тому значению, которое в данном случае является для нас релевантным.

(как и большинство других описаний синтаксиса) дискретна, неясно, как задать в них что-то вроде «здесь любой порядок слов». А предположение, что порядок слов нерелевантен для синтаксиса, а важен только для прагматики, конфликтует с некоторыми жесткими ограничениями, которые все же существуют.

В ранних версиях порождающей грамматики использовали **скрэмблинг** — перемешивание. Эта операция, как предполагали, применяется уже после выстраивания синтаксической структуры и «перемешивает» составляющие. В пользу скрэмблинга свидетельствует тот факт, что русский язык толерантен к структурам с непроективнойностью, в которых не просто поменяны местами целые составляющие, а компоненты разных составляющих перемежаются друг с другом:

(20) [_{VP} Трубку [_{CP} мне поднять] не дали]⁴.

(21) [_{VP} Квартиру [_{CP} тебя снимать] не просили].

Здесь объект **матричного** (главного) глагола *дали* / *просили* (*мне* и *тебя*) находится между объектом зависимого глагола (*трубку* и *квартиру*) и самим зависимым глаголом (*поднять* и *снимать*). Стрелки на схеме пересекаются, и это показывает, что в русском языке нет запрета на расположение элементов составляющей C1 и C2 попеременно.

(22) *Трубку мне поднять не дали.*

В разговорном языке непроективная встречается еще чаще — например, в примере ниже между прилагательным *Васину* и его синтаксическим хозяином в именной группе *жену* находится вер-

⁴ Квадратными скобками в примерах выделяются границы составляющих. При этом в примерах (20) и (21) материал одной составляющей перемежается с материалом другой, что создает проблему для представления примера: самая высокая по положению в структуре составляющая в главной клаузе — это группа комплементаризера (CP) [мне не дали], а зависимая клауза — глагольная группа (VP) [трубку поднять], тем самым элемент главной клаузы *мне* расположен между элементами зависимой клаузы *трубку* и *поднять*. То же происходит в примере (21) с главной клаузой [тебя не просили] и зависимой [квартиру снимать].

шина всего предложения, не относящаяся к именной группе, — глагол *приглашу*.

(23) *Я и Васину приглашу жену.*

Тем не менее Дж. Бейлин [Bailyn, 2003] показал, что скрэмблинг — слишком сильный инструмент: он предсказывает и такие структуры, которых все-таки не бывает. При этом даже более важен тот факт, что ограничения на изменение порядка слов во многом совпадают с ограничениями на синтаксические процессы. Сравним ограничения на *wh-movement* (вынос вопросительного слова — его передвижение из стандартной для актанта позиции в специальную позицию, линейно в русском, как правило, в начале предложения) из зависимой клаузы и ограничения на обычный вынос темы влево.

В русских подчинительных конструкциях в некоторых случаях допустим вынос вопросительного слова из зависимой клаузы⁵. Иначе говоря, чтобы задать вопрос, говорящий перемещает вопросительное местоимение (*кто, что, когда, где*) в позицию в самом начале предложения, а в синтаксической структуре — выносит его из подчиненной клаузы. При этом в части случаев переместить слово из подчиненной клаузы в самое начало невозможно — допустим вынос именно из **сентенциальных актантов** (придаточных, которые являются подлежащим или дополнением при главном предикате, заполняют его валентность) с ирреальным значением и союзом *чтобы*; носители языка склонны признавать правильным предложение (24):

(24) *Кому ты хочешь, чтобы я позвонил?*

В то же время пример (25), в котором вопросительное слово попадает в начало предложения из придаточного при глаголе *думать*, скорее является сомнительным:

(25) *?Кому ты думаешь, что Вася позвонил?*

---

⁵ Понятие «зависимая клауза» почти аналогично традиционному «придаточное предложение», см. подробнее об этих понятиях и о свойствах клауз в разделе 10.1.

Из сентенциальных сирконстантов (придаточных, играющих при главном предикате роль обстоятельства, факультативной характеристики ситуации) вынос практически невозможен:

(26) **Кому ты пришел, чтобы мы позвонили?*

Такая же расстановка возможных и невозможных преобразований наблюдается при выносе на левый край — в позицию темы — актанта зависимой клаузы. В этом случае речь идет не о смене иллокутивного акта — вопросе, а о том, что один из актантов становится темой, фоном для всего высказывания. В случае, если главный глагол — *хотеть* + *чтобы*, вынос полностью допустим, при *думать* + *что* — не без шероховатостей, при *прийти* (с зависимой клаузой обстоятельственной) невозможен.

Возможно:

(27) *Борису я хочу, чтобы позвонил мой брат.*

Сомнительно:

(28) ?*Борису я думаю, что позвонит мой брат.*

Невозможно:

(29) **Борису я пришел сюда, чтобы позвонил мой брат.*

Иными словами, изменение порядка слов все-таки во многих случаях следует описывать как мотивированное синтаксической структурой. Встречается даже утверждение, что группы, вынесенные в позицию темы, отличаются от стандартных не только коммуникативной ролью, но и специальной синтаксической позицией вынесенного топика (см.: [Rizzi, 1997; Benincà, 2021]). При таком подходе то, что нам кажется коммуникативным изменением порядка слов, — на самом деле еще и синтаксическое изменение. Когда мы говорим, что происходит топикализация, например, дополнение выносится в позицию темы (*А Вася, за ним так и не приехали*), в действительности речь идет о том, что *Вася* из своей исходной позиции дополнения в глагольной группе переносится налево, в позицию маркированных тем, которые находятся даже выше в структуре, чем подлежащее⁶.

---

⁶ В то же время в русистике и в описательной грамматике других языков нередко используются термины «инфинитив темы», «именительный/номи-

Этот результат важен и для методологии исследования. Если синтаксические и коммуникативные изменения во многом близки, это означает, что любое ограничение на изменение порядка слов и/или коммуникативной структуры и любое различие в интонации между близкими конструкциями стоит попытаться связать и с синтаксическими изменениями или различиями. Конечно, нет гарантии, что во всех случаях это удастся сделать.

2.2.2. Некоторые другие закономерности, связанные с порядком слов

Как понятно из сказанного выше, несмотря на внешнюю свободу порядка слов в русском языке (в том смысле, что в рамках многих составляющих все теоретически возможные порядки слов грамматичны), определенные закономерности существуют. Не будем затрагивать здесь коммуникативную или референциальную функции порядка слов — правила и тенденции такого типа хорошо описаны в [Slioussar, 2007]. Скажу еще о нескольких закономерностях, связанных с порядком слов. Мы обсудим связь между внутренним порядком слов в составляющей и ее расположением относительно других составляющих и объем составляющей, затронутый изменением порядка слов, а также грамматические и семантические изменения, связанные с порядком слов, о которых было сказано выше.

Внутренний порядок слов и внешний порядок слов

Тривиально верно, что синтаксическая составляющая — это не герметично замкнутая сущность. Составляющие связаны друг с другом в самых разных аспектах. Одним из проявлений этой связи является то, что порядок слов внутри составляющей связан с местоположением самой составляющей. Приведем примеры:

натив темы», которые рассматривают топикализацию как чисто коммуникативное преобразование.

- (30) *Он встал, обхватил одной рукой бабушку за шею, привлек к себе и поцеловал, а руки бабушкины висели как плети* (ruscorpora: Ю. Петкевич. Живые цветы зимой. 2001).
- (31) *Отец ее до войны в райкоме работал* (ruscorpora: Б. Окуджава. Новенький как с иголки. 1962).

Если сменить порядок в именной группе на стандартный, для составляющей *ее отец* становятся доступны разные линейные (и связанные с ними коммуникативные) преобразования.

- (32) *Ее отец до войны в райкоме работал.*
- (33) *Ее отец до войны работал в райкоме.*
- (34) *В райкоме до войны работал (как раз) ее отец. Ее мать работала в школе.*

В примерах (32) и (33) *ее отец* является темой, а в (34) — ремой. Однако при препозиции вершины *отец* набор допустимых преобразований меньше. Вынос именной группы в позицию ремы невозможен:

- (35) *??В райкоме до войны работал отец ее.*

Не хотелось бы думать, что это ограничение случайно. Объяснить же его можно двумя способами. Прежде всего — релевантностью частоты и маркированности порядка слов. Понятно, что порядок типа *отец ее* в русском встречается реже и гораздо более маркирован, чем *ее отец*. Можно думать, что для преобразований разного рода используется именно немаркированный порядок слов. Однако это объяснение является в каком-то смысле отказом от объяснения: мы считаем, что поведение порядка слов никак не связано с его сущностными свойствами, а объясняем его просто большей или меньшей частотностью.

Более надежным кажется связать между собой коммуникативную функцию внешнего и внутреннего порядка слов. Действительно, порядок *отец ее* (в отличие от *ее отец*) служит во многом для того, чтобы сделать слово *отец* темой. В этом смысле порядок примера (35) привел бы к некоторому конфликту между тематичностью слова *отец* внутри именной группы *отец ее* и положением этой группы в конце, в позиции ремы.

Задание 5

Как вы думаете, можно ли таким же образом объяснить связь между порядком слов в зависимой клаузе и ее расположением по отношению к главной в примерах ниже?

Боюсь, малыш, ты не сможешь этого понять (ruscorpora: М. Тырин. Будет немножечко больно. 2014) (также возможно *не сможешь понять этого*).

Выкинуть это было невозможно (ruscorpora: Л. Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // Неприкосновенный запас. 15.01.2004) (ср. сомнительное *?Это выкинуть было невозможно*).

Объем единицы, подвергающейся линейным преобразованиям

Исследования порядка слов неизбежно поднимают еще один вопрос: о каких синтаксических единицах мы говорим, когда обсуждаем линейные преобразования? Идет ли речь о целых составляющих, таких как глагольная или именная группа, или о словах?

На самом деле единого ответа на этот вопрос не существует. Перемещение составляющей может как действовать на коммуникативный статус всей составляющей, так и затрагивать только ее вершину. Приведем пример: если глагольная группа (глагол и его прямой объект) перемещается в начало предложения, этот порядок может нести двойную функцию:

1) топиализация глагольной группы:

(36) *Играть в шахматы* умел только мой дедушка, а вот рисовать — вся семья.

2) топиализация глагола:

(37) *Играть* в эту игру умел только мой дедушка, но слышала про нее вся семья.

В некоторых случаях есть два типа топиализации — «узкая» (только вершины) и «широкая» (синтаксической группы). Если вынести в начало глагол и его подлежащее, такой порядок возмо-

жен только при топикализации глагола. Для топикализации сразу глагола и подлежащего этот порядок не грамматичен, так как глагол и его подлежащее не составляют единой группы. Именно поэтому в примере (38) последовательность *капитулировать Максим* нельзя произнести со слитной интонацией и без паузы. Возможно только произнесение *капитулировать* как более выделенного слова, чем *Максим*, и с интонацией вынесенной (как правило, контрастной) темы. Произнесение с паузой после *Максим* и слитным произнесением первых двух слов невозможно⁷.

(38) — *Да чтоб я каждому!.. — **капитулировать** Максим не собирался* (гуссорога: С. Данилюк. Рублевая зона. 2004).

(39) #***Капитулировать** Максим / не собирался.*

Задание 6

Как показать, что левое расположение подлежащего относительно глагола меняется при других условиях, чем правое расположение объекта (в примерах типа *Кошка увидела собаку*)? Используйте примеры из разговорного языка и/или примеры на топикализацию.

Задание 7

Как показать, что при порядке типа NA (например, *мама Сашина* — в основном в разговорном языке) именная вершина выделена в большей мере, чем при AN?

2.2.3. Порядок слов и грамматические изменения

Один случай зависимости между порядком слов и синтаксисом конструкции уже описывался: в работе [Гращенков, 2009] показано, что при препозиции исчисляемого существительного, расположенного за пределами группы числительного, его число может

---

⁷ Как показано в разделе 4.7 (примеры (76) и (77)), эта диагностика не работает с сентенциальными подлежащими, что показывает их сомнительный подлежащий статус.

быть множественным, даже если числительное, которое употреблено в предложении, стандартно этого не допускает.

(40) *Кошек/кошки было две.*

Другой пример — нестандартные свойства постпозитивных подлежащих, которые не во всем тождественны препозитивным, что показывают некоторые особенности их поведения.

1. Возможно употребление союза *и* при соединении клауз с разными постпозитивными подлежащими и без общих актантов (союз *а* невозможен). При препозиции подлежащего такое употребление союза чаще всего невозможно или, по крайней мере, предпочтительнее союз *а*.

(41) *Однако когда стал известен состав, которым играет свой матч «Депортиво», у лондонцев опустились руки и (*а) остановились ноги* (ruscorpora: Д. Быстров. Возвышение хитрости // Известия. 21.03.2002).

(42) *Руки у лондонцев опустились, а/?и ноги остановились.*

2. Контроль деепричастия постпозитивным подлежащим в некоторых случаях затруднен.

(43) *Серезжа напал на него, подкараулив около дома.*

(44) *?На него напал Серезжа, подкараулив около дома.*

(45) *Чемодан, упав с полки, ударил меня по ноге.*

(46) *?Меня ударил по ноге чемодан, упав с полки.*

3. Также бывает затруднен контроль постпозитивным подлежащим рефлексива.

(47) *Десятиклассники поймали меня около своего класса.*

(48) *??Меня поймали десятиклассники около своего класса.*

Задание 8

Как вы думаете, почему в примерах ниже контроль деепричастия и рефлексива нормален, а в примерах (44) и (48) затруднен? Чем примеры ниже отличаются от приведенных выше?

Что потеряет бюджет, введя льготы для такого рода предприятий? (ruscorpora: И. Пылаев. Политический капремонт // Еженедельный журнал. 24.03.2003).

Учебное издание

Летучий Александр Борисович

**Русский синтаксис:
структурные и неструктурные объяснения**

Учебное пособие

Зав. книжной редакцией *Е.А. Березнова*

Редактор *Т.В. Коршунова*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Дизайн обложки: *В.П. Коршунов*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 31.10.2024. Формат 60×88/16.

Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 16,7

Тираж 600 экз. Изд. № 2784. Заказ №

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано ООО «Б2-Принт»

109548, Москва, ул. Шоссейная, д. 1, корп. 1